

Мистика букв

Франц Дорнсейф

BUCHSTABENMYSTIK

INAUGURAL-DISSERTATION

ZUR ERLANGUNG DER DOKTORWÜRDE
DER HOHEN PHILOSOPHISCHEN FAKULTÄT
DER RUPRECHT-KARLS-UNIVERSITÄT
ZU HEIDELBERG VORGELEGT

VON

FRANZ DORNSEIFF

DRUCK VON B. G. TEUBNER IN LEIPZIG 1916

Электронная книга проекта Gutenberg « » Мистика букв

Это электронное издание предназначено для бесплатного использования в любой точке США и большинства других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать его в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к данному электронному изданию или доступной онлайн по [адресу www.gutenberg.org](https://www.gutenberg.org). Если вы не проживаете в США, перед использованием данного электронного издания вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: Мистика букв

Автор: Франц Дорнсейф

Дата выпуска: 29 марта 2024 г. [электронная книга № 73284]

Язык: немецкий

Оригинальное издание: Лейпциг: B. G. Teubner, 1916

Благодарности: Петер Беккер, Марк-Андре Зеекамп и команда онлайн-корректоров <https://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, любезно предоставленных The Internet Archive)

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА GUTENBERG «БУКВНАЯ МИСТИКА» ***

МИСТИКА БУКВ

ИНАУГУРАЛЬНАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ СТЕПЕНИ ДОКТОРА
ВЫСОКОГО ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
УНИВЕРСИТЕТА ИМ. РУПРЕХТА-КАРЛА
В ГЕЙДЕЛЬБЕРГЕ

ФРАНЦОМ ДОРНЗЕЙФФОМ

ПЕЧАТЬ Б. Г. ТЕУБНЕР В ЛЕЙПЦИГЕ 1916

Работа публикуется в полном объеме в виде тетради VII Στοιχεῖ α,
под редакцией Франца Болла.
(Издательство B. G. Teubner в Лейпциге и Берлине.)

Мистические спекуляции об алфавите и использовании букв для колдовства, о которых пойдет речь ниже, играют большую роль в каббале и в мусульманских кругах. Речь идет о представлениях, которые продолжают жить и сегодня. Ведь каббала по-прежнему жива в секте хасидов, последователей польского мессии Баал Шем († 1795)[1], а также среди народа и в кругах теософов. Точно так же соответствующие мусульманские секты по-прежнему имеют свои общины, а научная магия, использующая тайные силы букв, является опорой ислама среди диких народов.[2] Корни этого суеверия уходят в древность, как и многое другое в позднем иудаизме и исламе. Богатый материал, подтверждающий это, будет собран здесь. Можно также увидеть, из каких конкретных античных предпосылок выросла эта форма мистики, которая затем так долго сохранялась как постоянная составляющая мистического языка форм.

[1] Еврейская энциклопедия, с. v. Хасидим. Мартин Бубер, «О духе иудаизма», Лейпциг, 1916, с. 108 и далее. Элиасберг, *Süddeutsche Monatshefte* 13 (1916), с. 703 и далее.

[2] Беккер в журнале «*Der Islam*» II (1911), с. 31 и далее. Особенно Магриб до последнего времени считается центром каббалистического искусства, см. Гольдцихер, *Zeitschr. d. d. morgenl. Ges.* 41 (1887), с. 49.

I. КОРНИ МИСТИКИ БУКВ

§ 1. ДРЕВНИЕ ВЗГЛЯДЫ НА ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПИСЬМА

По верованиям некоторых народов, письменность происходит от богов. Ни один из них, пожалуй, не рассматривал открытие букв как космическое событие первостепенной важности так, как это делали древнескандинавские скальды, остатки поэзии которых сохранились в «Старшей Эдде». Согласно глубокому мифу, содержащемуся в «Эдде»[3], Один, верховный бог, должен пожертвовать собой, чтобы обрести знание и магическую силу рун:

«Я знаю, что я висел на ветреном дереве

девять ночей,

ранен копьем, посвященным Одину,

Я сам себе.

Мне не предложили ни рога, ни хлеба для подкрепления,

Мой взгляд устремился вниз,

С стоном поднял, поднял вверх[4] руны,

И сразу упал на землю.

Я начал процветать и получать внимание,

Я рос и чувствовал себя хорошо.

Одно слово нашло другое слово,

Одно произведение другое произведение.

Ты найдешь руны, удачные жезлы,
палочки, полные силы, палочки, полные целительной силы,
Окрашенные князем певцов,
Созданные могущественными богами,
Их вырезал Рагна-Хропт» и т. д.

Буквы здесь являются основой всего знания, и цена, за которую они приобретаются, не может быть достаточно высокой. Можно ли найти что-то подобное в древности?

Представление о божественном происхождении письменных знаков мы находим, в частности, там, где искусство письма долгое время оставалось привилегией одной касты. В древнем Востоке писец, как правило, принадлежащий к сословию жрецов, пользуется большим уважением. Он носит льняные одежды, поскольку ничто животное не должно прикасаться к нему.[5] У писца есть свой покровитель среди богов, который одновременно является его двойником на небесах, писцом богов. В Вавилоне это Небо[6], в Египте — Тот. Небо, сын Мардука, — это бог, который записывает судьбы и таким образом сокращает или продлевает жизнь своим «стилусом судьбы».[7] Он дал людям письменность. Для египтян это сделал Тот[8], бог слов и книг, изобретатель магических формул, которым ничто не может противостоять, и автор магических книг, изобретатель почти всех культурных ценностей. Каждый иероглиф для египтянина — это слово бога.[9] Позже Исида оспаривала у Тота честь изобретения букв.[10] В исламе мы находим учение о том, что сам Бог создал буквы и открыл их Адаму как тайну, которую он не раскрыл ни одному из ангелов.[11] Да, древняя и уважаемая традиция даже придает этому представлению значение в начале миссии Мухаммеда. Согласно ей, ночью пророка посетил ангел и настоятельно потребовал, чтобы он прочитал принесенный ангелом текст, в котором говорилось о Боге как о создателе и откровителе письменности — в Коране это сура 96: «Провозгласи во имя твоего Господа, сотворившего человека из сгущенной крови; провозгласи, ибо твой Господь — милостивейший, он, который научил писать пером и т. д.». В этой традиции выражается наивное уважение к священному писанию, сопровождавшему проповеди Мухаммеда о покаянии и суде. Вера в то, что буквы возникли со временем, тем более благодаря человеческому изобретению, до сих пор считается ересью ортодоксальными мусульманами. [12]

В этом они сходятся с христианами восточных церквей. «Полтора тысячелетия назад два человека придумали *армянский алфавит*: святой Месроп изобрел согласные, а католикос Саак добавил гласные. Царь Врамшапух помог им в этом и позаботился о том, чтобы новое письмо было сразу освящено переводом Библии. Странные для постороннего глаза замысловатые знаки, которые с небольшими изменениями используются и по сей день, впервые дали возможность записать на бумаге чрезвычайно богатый звуками армянский язык, для которого греческий и сирийский алфавиты были недостаточны. Еще апостол Григорий, проповедовавший народу Евангелие на армянском языке, писал на двух иностранных языках. С появлением собственного алфавита был зафиксирован язык, с языком — церковь, которая сохранила свою монофизитскую веру, отделенную от опасного соприкосновения с византийцами, а с церковью — армянский народ, объединенный вне всех политических разногласий. Армянский алфавит не менее важен, чем славянский, с помощью которого Кирилл и Мефодий () отделили целую семью народов от западной культуры. Только тот, кто помнит, как

и сегодня продолжается борьба за письменность, как, например, в Албании непримиримая ненависть разделяет сторонников арабского и латинского алфавитов, может понять упорство, с которым каждый народ на Востоке цепляется за замысловатые знаки, которые означают или, по крайней мере, имитируют его культурную независимость. И поэтому монахи Эчмиадзина, аббатом которых является папа, а общиной – весь народ, говорят о буквах, изобретенных одним из своих, с большим почтением, чем о самом Боге и его единокровном Сыне»[13].

В отличие от этих восточных представлений, в Греции такие мифы практически отсутствуют, как и привилегированное сословие пишущих священников. Образованные греки классической эпохи осознавали, что письменность, как и многие другие изобретения, служащие практической жизни, была заимствована из древнего Востока. Несмотря на их живой интерес к мифическим εὑρεταί, им было все равно, кто был первооткрывателем — их собственные предки или негреки. Да, они скорее приписывали достопочтенной мудрости Востока авторство слишком многих, чем слишком малого числа вещей. Настоящее происхождение письменности, перенятой греками, подтверждаемое эпиграфикой, можно найти у Гекатия и Дионисия, милетских логографов (fr. 36 I FHG I p. 29 II p. 5)[14] и Геродота (5, 58): финикийцы — якобы под руководством Кадма — принесли ионянам буквы. Поэтому буквы называются φοινικῆα, ср. Критий у Афинагия, epit. p. 28 Kaibel = *Fragmente der Vorsokratiker* ed. Diels p. 614, 10 и бесчисленные места, которые показывают, что образованные люди, особенно грамматики, всегда знали об этом.

К этому знанию рано прибавилось другое представление. Египетские памятники древнейшего прошлого произвели на греков сильное впечатление. Они с завистливым восхищением смотрели на прекрасно упорядоченные предания о далеком прошлом, о котором сами имели только богохульные вымыслы своих поэтов. Солон должен услышать в «Тимее» Платона, стр. 22 а: Ὁ Σόλων, Ἕλληνες αἰεὶ παῖ δὲς ἔστε ... νέοι ἐστὲ τὰς ψυχὰς πάντες· οὐδεμίαν γὰρ ἐν αὐταῖς ἔχετε δι' ἀρχαίαν ἀνοήτην παλαιὰν δόξαν οὐδὲ μάθημα χρόνωπολιὸν οὐδέν.[15] Здесь была родина культуры, отсюда же должна была произойти и письменность, это должно было быть очевидно для каждого, кому жрецы показывали древние надписи на пирамидах и стенах храмов.[16]

Когда Платон, который, вероятно, сам видел пирамиды, заходит о происхождении письменности, он говорит только о том, что египтянин Теут изобрел буквы. В «Федре» 274 с говорится, что δαίμων Теут однажды пришел к царю Тамусу и представил ему всевозможные изобретения, в том числе и письменность.[17]

В этом Платон не был одинок среди греков. Соответственно, Кадмос считается египтянином.[18] Данаос, брат Эгипта, также привез письменность из Египта, согласно Пифодору (schol. in Dionys. Thrac. p. 190, 22; 183, 7 Hilgard). Историк Антиклеид из Афин, который, по Шварцу (в Pauly-Wissowa s. v. Antikleides), писал в III веке, доказал на основании памятников, что египетский царь Мен изобрел письменность (Плиний Старший, *Естественная история*, VII 57, 192).[19]

Египетский Тот из Гермополиса, по греческому представлению, был не кто иной, как Гермес из Киллены. Изобретательный бог, которому Аполлон обязан лирой, а греки — соревнованиями, вполне мог придумать и письменность. Гекатей из Абдеры, который, возможно, неосознанно поддерживал стремления Лагидов, греков и египтян к слиянию[20], в своем отчете, на котором

основана первая книга Диодора, рассказывает (Диод. I 16), что Гермес (= Тот) первым структурировал общий язык и дал названия многим вещам, которые до этого не имели имен, что он изобрел буквы и упорядочил все, что касается почитания богов и жертвоприношений. Он якобы научил греков правилам ἑρμηνεία, отсюда и его имя Гермес.[21] Преобразованием гекатейского материала является то, что у Артапана (, около 100 г. до н. э.) Гермес, отец изобретений, становится Моисеем-Гермесом.[22]

В фрагментах эллинистическо-финикийской космогонии, сохранившихся благодаря Филону из Библы, можно увидеть, как письменность, данная в дар Тотом, считалась священной в спекуляциях герметических теологов[23]: πρὸ δὲ τούτων θεὸς Τάαυτος μὴ σάμενος τῶν συνόντων θεῶν ὄψεαι, Κρόνου τε καὶ Δαγῶνος καὶ τῶν λοιπῶν, διέτύπωσε τοὺς ἱεροὺς στοιχείων χαρακτήρας.[24] И в другом месте: Καὶ τὰ μὲν πρῶτα στοιχεῖα τὰ διὰ τῶν ὄψεων, ναοὺς κατασκευασάμενοι ἐν ἄ<δ>ύτοις ἀψιέρωσαν, καὶ τοῦτοις ἐορτάς καὶ θυσίας ἐπέτελουν καὶ ὄργια, θεοὺς τοὺς μεγίστους νομίζοντες καὶ ἀρχηγοὺς τῶν ὄλων. Позицию Оаннеса у Беросса (fr. 1 Dübner, FHG II p. 497), который научил людей письменности, искусствам и богослужению, Рейценштайн, Поимандрес 109[25], хочет объяснить, исходя из предположения о влиянии Египта. Но почему вавилоняне не могли сами научить подобному о Эа, «господине мудрости»?[26]

Греческий Гермес появляется как изобретатель письменности у Мнасея (Müller, FHG III p. 156 = schol. in Dionys. Thrac. p. 183, 15), Аполлодора Афинского (schol. zu ψ 198), Цицерона, de nat. deor. III 22, 56, Варрона у Августина, de doctrina christ. II 28, Гигин fab. 277, Кассиодор variae VIII 12 (где говорится, что Меркурий позаимствовал форму букв у полета журавлей, ср. с. 10 прим. 2).[27]

Конечно, некоторые греки называли других εὑρεταί. По Эфору (, Кадмос не только привёз их, но и сам изобрёл[28]. Было бы очень логично приписать их изобретательному Паламеду[29]. Первым это сделал Стесихор в своей второй «Орестии».

Из-за его схожей изобретательности, вероятно, вспомнили о Сизифе[30]. Кроме того, в качестве изобретателей называют Прометея[31], Геракла[32], Феникса[33], наставника Ахилла (по Дурису) или царя Тира — очевидно, интерпретация названия φοινίκη. Мусайос (ср. schol. в Dionys. Thrac. p. 183) однажды упоминается Артапаносом (ср. выше, с. 8 и далее). Это мнение не обязательно возникло через уравнение Тот = Моисей[34]: среди изобретателей письменности фигурируют также Орфей и Линос[35]. В Лации их преподавал Эуандр[36], который благодаря своему происхождению из Аркадии, более чистой страны мудрых и справедливых людей, был призван передавать народам духовные ценности. В школии к Дионисию Фракийскому говорится, что буквы упали с неба[37], там же[38] в качестве изобретательницы букв упоминается Афина. На красивой вазе с красными фигурами она уже учит Паламедеса — вероятно, это будет бородатый ученик Афины () — искусству письма (Ch. Lenormant et de Witte, Elite des monuments céramographiques, Paris, 1844, I, с. 252 и далее). Но это совершенно единственный случай. Если бы это было чем-то более распространенным, оратор Аристид наверняка упомянул бы об этом в своей хвалебной речи в честь Афины, где он восхваляет εὐρήματα богини. Но там нет ни слова о буквах.

В книге V 74 «Острова» Диодора Музам приписывается γράμμάτων εὑρεσις. То, что критянин Досиад[39] (III в.) в своих Κρητικά утверждал, что буквы были изобретены на Крите[40], является настолько единственным случаем, что, вероятно, не свидетельствует о знании Scripta minoa. Ибо запись schol. в Dionys. Thrac. p. 184, 29: Ἀλέξανδρος δὲ ὁ Ῥόδιος (sc. φησί Φοινίκη τὰ γράμματα

ἐλέγοντο) ἀπὸ Φοίνικος τοῦ Προνάπου καὶ Εὐρώπης, εὐρόντος αὐτὰ ἐν Κρήτῃ, ὃν ἀπέκτεινε Ῥαδάμανθους φθονήσας пока не поддается интерпретации. Пронапос, похоже, обязан своим существованием генеалогической операции с Пронаπίδης, учителем Гомера из Афин.

Противоречия в преданиях, которые давали различные εὑρεταί, привели к тому, что заслуги были распределены между несколькими изобретателями. В этом одновременно отражается постепенная адаптация финикийского алфавита к греческим потребностям путем переосмысления и добавления букв. Симонид, который проявлял некоторые паламидеевско-софистические черты и пользовался большой репутацией как мастер памяти, и Эпихарм, ἀρχηγός важного литературного жанра, должны были добавить символы к изначально несовершенной системе письменности. Свидетельства об этом настолько различаются, что бессмысленно пытаться их согласовать.[41]

Этот обзор традиций о происхождении букв показал, что в древней Греции письменность сама по себе не могла обладать священностью из-за своего божественного происхождения. Она не обладала ею в том смысле, в каком в это верили на Востоке или в древнем германском Севере. В древности не было бога, чьи функции были бы тесно связаны с искусством письма, и поэтому то, что изобрел герой, еще не было священным. Таким образом, эта вера не может служить источником греческой мистики и магии алфавита.

Для неграмотного искусство письма легко становится жуткой тайной, а в «невинные времена» древности (Лахманн) таких людей всегда было много. Тогда человеку нужно было иметь гораздо меньше образования, чем у нас, и в результате даже начальные знания не считались чем-то само собой разумеющимся и не презирались. Алфавит как предмет знания в Афинах V века был чем-то, о чем можно было серьезно говорить даже с трагической сцены, как показывают фрагменты типа ὑρίφος Софокла, Еврипида, Агатона, Феодектеса[42] и ὑραμματοτραγῶδια Каллиаса, о которой пойдет речь позже. Для многих письмо было важным торжественным действием. Тем не менее, это не было решающей причиной возникновения мистики букв. Она лежит в другом.

[3] В «Поговорках Харса» (Hóvamql): Старшая Эдда, пер. Gering, Билефельд и Лейпциг, 1902, с. 105, ср. R. M. Meyer, Altgermanische Religionsgeschichte, Лейпциг, 1910, с. 257; Мюлленхофф, Deutsche Altertumskunde IV, Берлин, 1898, с. 686 и далее. О магических рунах см. Уланд, Schriften zur Geschichte der Dichtung und Sage VI. Штутгарт, 1868, с. 225–277. Doutté, Magie et religion dans l'Afrique du Nord, Алжир, 1909, с. 172. P. Köbke, Om runere i Norden, с. 50 (мне недоступно). Магические руны и вера в силу слова особенно сильны у финнов, см. Buber, Literarisches Echo, 1912, с. 1614. Comparetti, Kalewala, Галле, 1892, с. 262. Символические тайные письмена на основе рун см. Pauls Grundriß der germanischen Philol. I 260.

[4] Здесь вспоминается выражение ἀναρρεῖν для обозначения оракула в Дельфах, см. Heinevetter, Würfel- und Buchstabenorakel, диссертация, Бреслау 1912, с. 40. Возможно, Водун является изобретателем письменности, потому что его отождествляли с Гермесом (wednesday = mercoledi). Hommel, Archiv für Schriftkunde 1 (1914) с. 50.

[5] Так же как и ангел-писец Иезекииль 9, 2, см. Gunkel, Archiv f. Religionswissenschaft I (1898) с. 294 и далее: о костюме египетского ιερογγραμματοεὺς, который носит на голове крыло ястреба, см.

Климент Александрийский, Strom. VI 4, 36 и Диодор I 87, ср. Рейценштайн, Поимандрес, Лейпциг 1904, с. 153.

[6] Весьма вероятно, что еврейское представление о небесном писце, книге жизни (Откр. 3, 5) имеет вавилонское происхождение, ср. Гункель, Архив религиоведения 1 (1898, с. 298). Иеремия, с. v. Небо в мифологическом словаре Рошера III, Sp. 55 f. P. Paul Dhorme, La religion assyro-babylonienne, Paris (Gabalda) 1910, с. 103 f. Kan, De Jovis Dolicheni cultu, Diss. Groningen 1901, с. 52. Johannes Hehn, Die biblische und babylonische Gottesidee, Leipzig 1913, с. 69: «Следует отметить, что Небо не только признавали ограниченной сферой деятельности бога-писца, но и возвысили его на основании его деятельности писца на высшую ступень пантеона и провозгласили владыкой мира». См. также Birt, Schreibende Gottheiten, Neue Jahrb. 19 (1907) с. 700 и далее.

[7] В балканских языках выражение «это его судьба» означает «это ему предначертано»; здесь, возможно, также играет роль звездная письменность на небе.

[8] Maspéro, Histoire ancienne des peuples de l'orient classique I (1895) с. 145, 220. Brugsch, Religion und Mythologie der alten Ägypter, Leipzig 1888 с. 446.

[9] Гимн Иоса IG XII, VI № 14, строки 5–8; Гимн Андроса, строки 10 и далее, а также Sauciuc, Andros, Sonderschriften d. österreich. Instituts VIII (1914) S. 122; того же мнения придерживались Варро по Аврустину de civit. dei XVIII 37 и Eugenius Toletanus, De inventoribus literarum «Isis arte non minori protulit Aegyptias» sc. literas MGH Script. antiquiss. XIV p. 257 v. 5.

[10] Рейценштайн, Поимандрес, с. 63, 64 и 269.

[11] Шанавани † 1610 г. н. э., л. 6 v. цитируется у Гольдцихера, Zeitschrift der deutschen morgenländ. Gesellschaft 26 (1872) с. 782 (Флюгель, Каталог венских арабских рукописей № 210 I с. 192).

[12] Тиле-Сёдерблом, Kompendium der Religionsgeschichte, Берлин 1912, с. 185. Гольдцихер, Abhandl. d. Göttinger Ges. d. Wissenschaften 1907, с. 26.

[13] Вайгель, Frankfurter Zeitung, 14 июля 1915, № 193.

[14] В связи с многочисленными связями Милета с легендой о Кадме вполне уместно, что здесь «финикийец» Кадм впервые рассматривается как носитель букв, ср. Crusius в словаре Roschers Lexikon, с. v. Kadmos, с. 874.

[15] Это высказывание Платона позже часто слышали Ἐλῆνες от христиан: Clem. Alex. Strom. I 15 p. 357 P. S. 43 Staehlin. Euseb. Praep. ev. X 4 p. 471 с.

[16] «Символическое» письмо египтян у Клем. Алекс. Strom. V 4 p. 657 P. и Порфир. vit. Pyth. 12 — это энigmatическая или анаглифическая система, искусственно усложненная по сравнению с иероглифическим письмом. «Эта система вошла в употребление только в поздние времена упадка египетской цивилизации; но поскольку это было именно то время, когда греки познакомились с этой страной, она сыграла большую роль для них, которые, конечно, не понимали ее сложности». Видеман, Геродот II. Книга, 1890, с. 164.

[17] Этот рассказ, вероятно, является древнеегипетской легендой, см. Reitzenstein, *Zwei religionsgesch. Fragen* (1901) С. 123, Поимандр 123. Критика короля в отношении изобретения — он считает, что оно ослабит человеческую память — однако, безусловно, является платонической: она слишком хорошо вписывается в тенденцию диалога ставить устную диалектику выше всего письменного и согласуется с не очень высоким мнением Платона об египтянах в целом. В Филебе 18 b обсуждается необходимость правильного посредничества между Единым и Многим. Теут — εἴ τε τις θεὸς εἴ τε καὶ θεῖ οὗ ἄνθρωπος (неуверенность в том, является ли Теут человеком или богом, основана на египетских представлениях, Reitzenstein, *Zwei religionsgesch. Fragen* (1901) S. 119) — поступил образцово: размышляя о том, как найти иέρας в φωνῇ ἄπειρος, он не стал без раздумий объявлять все ἐν — как, например, молодой человек, восхитительно описанный на стр. 15 е, — а сначала разделил φωνήεντα, затем звучные согласные, затем ὅφωνα. Только в конце он объединил все под понятием στοιχεῖον. Следующее предложение в немецкой парафразе звучит так: но, видя, что ни один из нас никогда не окажется в ситуации, когда ему придется понимать одну-единственную букву без остальных, он нашел связующее звено, которое, будучи само по себе единым целым, объединяет все это в единое целое — а именно в φωνή, сообщение в словах и предложениях — и назвал это искусство, поскольку оно используется в γραμματα, γραμματικῇ τέχνῃ. См. v. Bissing, *Neue Jbb.* 29 (1912) с. 95 f.

[18] Диод. I 23, 4; Гигин fab. 277; Павсаний IX 12, 2.

[19] Его отождествление Прометея с Тотом (Plut. de Iside et Os. 37, а также Istros περὶ τῆς Αἰ γυπτίων ἀποικίας Clem. Alex. Strom. I 21 p. 382 Potter S. 68 Staehlin) имело, таким образом, другие причины, помимо изобретения букв.

[20] Ed. Schwartz, *RM* 40 (1885) с. 256.

[21] Гермес λόγιος: Платон *Kratyl.* 407; Cornut. 16; Плотин *Enn.* 3, 6, 18; Hippolyt. *philos.* 5, 7; Porphy. *apud. Euseb. praer. ev.* 3, 11 p. 114; Eitrem *PW s. v. Hermes* XV (1912) p. 782. Гермес-Тот «с пером», как Фуртвенглер (*Bonner Jahrb.* 103 (1898) S. 1 ff. 107 (1902) S. 45 ff. — *Kleine Schriften*, München 1913 S. 372 ff.) и др. (Loeschke *ebenda* 107, 48 ff., Reitzenstein, *Poimandres* S. 3) называли ряд эллинистических изображений и объявили их богом письменности, однако это утверждение не выдерживает критики. Атрибут на голове — это скорее лотосовый лист, Р. Фёрстер, *Röm. Mitt.* 29 (1914) с. 171 и далее, см. выше с. 4 прим. 2. Но ψυχοπομπός был Тотом, как Гермес: Пичманн, *Hermes Trismegistos* 1875 с. 21. Рейценштайн, *Poimandres* 100.

[22] F. Jacoby s. v. Hekataios при *PW Sp.* 2756; Reitzenstein, *Poim.* 182, *Zwei religionsgesch. Fragen* 13. Согласно Эвполему, Моисей изобрел буквы (*Eus. praer. ev.* IX 26 p. 431 с).

[23] Филон из Библа, φοινικιστὴ ἱστορία у Eusebios *praer. evang.* I 10, p. 39 a. Müller *FHG* III p. 560 fr. 2 § 25. Reitzenstein, *Poimandres* 162.

[24] Филон Библосский περὶ τῶν φοινίκων στοιχείων fr. 9 из *Eus. praer. ev.* I 10 p. 42 b *FHG* III p. 573. Reitzenstein, *Poimandres* 162, 2. Тот не имеет никакого отношения к змее. Сирийцы сделали его богом змеи, потому что tut = змея, согласно Baudissin, *Studien zur semitischen Religionsgeschichte*, Gießen 1876, I S. 19. Рейценштайн указывает на стелы «царя» Амона (Филон Библейский у *Eus. praer. ev.* I 9, 24), на которых он записывал откровения, данные ему Гермесом, согласно Ямблиху. *de mysteriis* VIII 4 и алхимическому сочинению Пибехия или Пибехеса (там

же, с. 107, 363; А. Дитерих, Kl. Schriften 8). На ней, среди прочего, был изображен символ змеи, кусающей себя за хвост.

[25] Тот также упоминается у Страбона, стр. 816. Plut. quaest. conv. 9, 3. 12, стр. 738 е: поэтому Ἰβις является первой буквой (? еще не объяснено!); de Iside et Osir. 3. Согласно Арнобу. adv. nat. IV 14, греческий Гермес изобрел письменность во время изгнания в Египте.

[26] Иеремия в словаре Рошера, см. Oannes III 1, стр. 590 и далее.

[27] Кнаак, Hermes 16 (1881) 590.

[28] Schol. in Dionys. Thrac. p. 183, 1. Hilgard (1901). Согласно Hörschelmann, acta societatis philol. Lips. IV (1875) p. 297 ff., эти схолии происходят из VII века н. э.

[29] О Паламеде как великом изобретателе см. Jahn, Palamedes (1836) с. 23; Kremmer, de catalogis heurematum, Diss. Lips. 1890 с. 44; некоторые из приведенных ниже цитат я взял из работы Креммера. Паламед упоминается как изобретатель письменности у Стесихора fr. 34 schol. в Dionys. Thrac. 185, 6, Gorgias Palam. § 30, Euripides Palamedes fr. 578, Hygin fab. 277, 31. Dio Chrysost. 13, 21; schol. Eurip. Or. 422. Athanas. contra gentes 18. Согласно Филострату. heroic. X 3 p. 309 и Nemesian de auscipio 15 = PLM ed. Baehrens III (1881) p. 204, он научился этому по полету журавлей, ср. также schol. в Dionys. Thrac. 320, 20 (см. выше, с. 9). То, что из линий полета журавлей можно было прочесть Λ или Υ, показывают Lucan V 716 и Martial XIII 75, ср. Lewy в словаре Roschers s. v. Palamedes.

[30] schol. к Dionys. Thrac. 185, 7.

[31] Эсхил, «Прометей», 460 (467); schol. к Дионису Фракийскому, стр. 190. 183, 16; 185, 8.

[32] Плутарх, quaest. Romanae 59 p. 278 е.

[33] Воспитатель Ахилла по Дурису FHG II p. 473 fr. 16, schol. к Дионису Фракийскому p. 184, 27; финикийский царь по Досиаду, см. с. 11.

[34] Так Reitzenstein, Zwei religionsgeschichtliche Fragen 101.

[35] Орфей по Алкидаму, Одиссей 24 (Dieterich, Die Grabschrift des Aberkios, Leipzig 1896, с. 34, 2); Линос как ученик Кадма по Диодору III 67; Тацит, Ann. XI 14; Суидас, s. v. Λίνοϛ.

[36] Ливий I 7, 8; Дионисий Галикийский, arch. rom. I 33; Тацит I. I. Марий Викторинус, ars grammatica p. 1944 = Grammatici latini VI 194. Hae (sc. litterae) auctore, ut quidam volunt, Euandro, ut alii, Hercule in Italiam a Pelasgis adlatae sunt. Или же его мать Никострата, Евгений из Толедо, carm. 39, 3.

[37] Schol. в Dionys. Thrac. стр. 185, 9.

[38] Там же, стр. 182, 18.

[39] Там же, стр. 183, 12.

[40] Кстати, у него все изобретатели родом из Крита.

[41] Аристотель fr. 501 Rose = Plin. n. h. VII 57, 192: Кадмос 16, Паламед ζυφх, Симонид ψξωθ, Эпихарм, возможно, θх. Гигин fabul. 277, 31: Паламед 11, Симонид ωηξψ, Эпихарм θх. Тацит ann. II 14: Симонид добавил всех остальных к старым 16. Ириней adv. haer. I 15, 4 Мануччи: Кадмос привнес 16, затем греки добавили придыхательные и двойные согласные, и, наконец, Паламед добавил долгие гласные. Феодосий Александрийский περὶ γραμματικῆς p. 1 Гётлинг: Паламед 16, Кадмос из Милета θφх, Симонид ηω, позже добавились ζξψ. Schol. in Dionys. Thrac. 320, 20: Паламед изобрел все 16 букв, другие добавили дополнения, Кадмос θφх, Симонид ηω, Эпихарм ζξψ; там же, стр. 185, 7: Симонид ηωξψ, Эпихарм придыхательные и ζ, ср. там же, с. 191, 30 Марий Викторинус, ars grammatica, с. 1944 = Grammatici Latini VI, с. 194, 15: Кадмос 16, Симонид ζξωθ, Паламед ηψхф, так же Audacis excerpta, там же. VII с. 325, 6. Суидас s. v. Паламед: ζпфх, s. v. Симонид: долгие гласные и двойные буквы. Согласно Сервию к Aen. II 81, Паламед, возможно, изобрел все, но точно х. Созданные им буквы до сих пор можно увидеть в храме Аполлона в Сикионе, согласно Ampelius liber memorialis VIII 5, из чего можно сделать вывод, что в храме Аполлона Στοιχεῖος в Сикионе находилось буквенное оракуло (ср. об этом специальный раздел ниже), Pfister, Wochenschrift f. kl. Philologie 31 (1914) 477 f. О относительной обоснованности этих εὐρήματα см. Lenormant в Daremberg-Saglio I, Paris 1873 p. 205 ff.

[42] Еврипид в Θησεύς описал буквы имени Θησεύς в стиле γρίφος, так же как Агафон и Феодек (Athen. X 454 bc.) καὶ Σοφοκλῆς δὲ τοῦτω παραπλήσιον ἐποίησεν ἐν Ἀμφιάρωσатурιϖτὰ γράμματα παράγων ὀρχούμενον Athen. X 80 p. 454 f. — fr. 117 Nauck³.

§ 2. ГРАММАТИКА ПИТАГОРА

Насколько нам известно, различие между гласными и согласными впервые было замечено пифагорейцами в VI веке.[43] О том, как пифагорейцы пришли к занятиям грамматикой, дает представление запись у Квинтилиана (instit. orat. I 10, 17) Archytas atque Evenus etiam subiectam grammaticen musicae putaverunt. Они относили грамматику к μουσική.

Невероятное открытие Пифагора о том, что музыкальная высота звука зависит от длины звучащей струны, буквально опьянило его современников и, как едва ли какое-либо другое открытие в области естественных наук, определило мышление последующих поколений. Звуки оказались воплощением чисел, качественные различия были сведены к количественным. Глубинный смысл музыки заключался в том, что она является числом, воплотившимся в звуке. В числе теперь был ключ, который обещал открыть все двери. Оно было самым существенным в космосе, возможно, самым реальным из всего, символом разума. Самые красивые фразы об этом можно найти у Филолаоса (fr. 11 Diels): Природа числа дает знание, ведет и учит каждого во всем, что для него проблематично и непонятно. Ибо ничто из творений не было бы понятно никому, ни их сущность, ни их взаимосвязь, если бы не было числа и его сущности. Но теперь оно через душу воздействует на чувство, делая все познаваемым и общительным, в соответствии с природой гномона, дает им тело и отделяет друг от друга все члены творений как бесконечные, так и ограниченные. ... Природу числа и его удерживающую силу можно увидеть не только в демонических и божественных образах, но и во всех человеческих делах и словах повсюду и во всех творениях искусства и в музыке.[44] —

Если грамматика относится к категории музыки, то буквы действительно должны были привлекать особое внимание пифагорейцев. Ведь они были одновременно знаками для чисел и нотами. В них, в их форме, количестве и разнообразии, должно было быть многое, имеющее космическое значение. Аристотель упоминает об этом следующее (Metaphys. N 6, 1093 a 20):

ἐπεὶ καὶ τὸ Ψ Ζ συμφωνίας φασὶ ν εἶναι καὶ, ὅτι ἐκείναι τρεῖς, καὶ ταῦτα τρία (α именно διατεσσάρων, διαπέντε и διαπασῶν). ὅτι δὲ μύρια ἂν εἴη τοιαῦτα, οὐθὲν μέλει· τῷ γὰρ Γ καὶ Ρ εἴη ἂν ἓν σημείον (т. е. можно было бы также выразить звук γρ одним-единственным знаком). εἰ δ' ὅτι διπλάσιον τῶν ἄλλων ἕκαστον ἄλλο δ' οὐ, αἴ τιον δ' ὅτι τριῶν ὄντων τόπων ἓν ἐφ' ἑκάστου ἐπιφέρεται τὸ σῆμα, διὰ τοῦτο τρία μόνον ἐστίν, ἀλλ' οὐχ ὅτι αἱ συμφωνίαι τρεῖς, ἐπεὶ πλείους γε αἱ συμφωνίαι· ἐνταῦθα δ' οὐκέτι δύναται. Так же как они считали, что тройка двойных согласных имеет музыкальное, т. е. метафизическое, обоснование (), так и тот факт, что существует именно 24 буквы (там же, 1093 b 1): καὶ ὅτι ἴσον τὸ διάστημα ἓν τε τοῖς γράμμασιν ἀπὸ τοῦ Α πρὸς τὸ Ω, καὶ ἀπὸ τοῦ βόμβυκος ἐπὶ τὴν ὀξύτατην νεάτην ἐν αὐλοῖς, ἧς ὁ ἀριθμὸς ἴσος τῇ οὐλομελείᾳ τοῦ οὐρανοῦ. Таким образом, они поместили элементарную грамматику в самые космические связи, которые только можно было представить καὶ ὅσα εἶχον ὁμολογούμενα δεικνύναι ἓν τε τοῖς ἀριθμοῖς καὶ ταῖς ἁρμονίαις πρὸς τὰ τοῦ οὐρανοῦ πάθη καὶ μέρη καὶ πρὸς τὴν ὅλην διακόσμησιν, ταῦτα συνάγοντες ἐφήρμοττον. Это предложение из «Метафизики» Аристотеля (А 5, 986 а) подходит не только к древним пифагорейцам: оно исчерпывает содержание значительной части европейской литературы вплоть до эпохи Возрождения.

В отношении гласных пифагорейцы, должно быть, придавали большое значение числу семь[45]. «Как древние пифагорейцы, так и автор древнего ионического (по другим [ср. Boll, Neue Jhb. 31 (1913) с. 137 и далее] принадлежащего к V веку) видели в семи ионических гласных (φωνήεντα, φωναί) или первоначальных буквах одно из древнейших и важнейших проявлений священного числа семь». W. H. Roscher, *Hebdomadenlehren*, с. 145. Как мы увидим ниже, эта ссылка на значимость гласных не осталась без внимания.

[43] Аристотель. *metaph.* XIV 6; Гиппократ. *περὶ ἐβδ.* 541 Erm., π. διαίτης I p. 645 f. Kühn; Варрон у Геллия. III 10, 2 и 16; все у Рошера, *Hebdomadenlehren* 27.

[44] Немецкий перевод по Herman Schmalenbach, *Das Seiende als Objekt der Metaphysik I: die erste Konzeption der Metaphysik im abendländischen Denken*. Диссертация, Йена, 1909, с. 36 и далее. [Много материала по этой теме см. в Weinreich, *Triskaidekad. Studien* RGTV XVI 1 (1916), с. 96 и далее].

[45] О числе семь см. Boll в *PW* s. v. *Hebdomas*, т. VI, с. 2552, где показано, что святость числа формируется тогда, когда это число повторяется в природе, так что человек постоянно обращает на него внимание.

§ 3. ELEMENTUM

Большое значение для античной оценки букв имело то, что они обозначались словом *στοιχεῖον*. Благодаря этому слову буквы письменности для греков, которые из названия вещи невольно делали более далеко идущие выводы, чем мы, — «критика языка» только начиналась — были подняты в сферу философских и религиозных понятий.[46]

Согласно исследованиям Дильса и Лагеркранца, история слова *στοιχεῖον* выглядит следующим образом: Происхождение слова *στοιχεῖον* от *στοῖχος* у Дионисия Фракийского, на котором Дильс основывает свой перевод «член ряда», бесполезно и ни к чему не приводит.[47] Скорее следует исходить из *στείχειν* = «идти, маршировать» (с. 88). *Στοιχέω*, согласно доказательствам Лагеркранца, в значении «идти, маршировать» является вполне обычным (с. 103). От него с

объективно-переходным употреблением окончания -εῖον (с. 106) в аттическом языке образовано слово στοιχεῖον, которое означает:

I. пройденный участок, путь, расстояние (так, например, самое раннее употребление у Аристофана Eccles. 651):

II. основа: а) поверхность земли; б) фундамент, как у Ксенофонта *Memor.* 2, 1, 1; с) опора, как в астрологии (с. 62) и в Новом Завете (с. 42). Наиболее полную аналогию представляет собой развитие значения слова βάσις, производного от βαίνω.

Затем это слово проникает в научный язык и встречается: 1. в философском языке как перевод ῥιζώματα τοῦ παντός (элементов) у Эмпедокла в аттическом диалекте, для нас впервые у Платона *Soph.* 252 b, *Tim.* 48 b (с. 16); 2. в грамматическом языке как аттический заменитель *πυθμῆν*, слова, которое встречалось в грамматических изложениях Протагора (*Diels Vorsokr.* S. 512, 26) в значении «основная форма» (с. 21). В «Теэтете» Платона, стр. 202 e, *στοιχεῖα τῶν γραμμάτων* означает «исходные составляющие письменности» (с. 19). Однако, несомненно, еще до Платона буквы назывались *στοιχεῖα*, иначе «Филеб» 19 с не мог бы звучать так, как он передается. Поскольку в течение императорской эпохи персидский культ стихий, который был особенно выражен в культе Митры, проник в греческий мир (*Diels*, с. 45)[48], слово *στοιχεῖον* из этих кругов приобрело для многих сильный религиозный оттенок[49].

Использование этого выражения в астрологии не имеет ничего общего с философским понятием «элемент», а является прямым заимствованием из народного языка, где *στοιχεῖον* означает «опора». *στοιχεῖον* означает 1. фигуру зодиака, поскольку она служит опорой для движущихся планет[50], 2. небесное тело, поскольку оно служит материальной опорой для его *δαίμων* (с. 65 и далее).

Кроме того, Лагеркранц на стр. 74 и далее доказал, что *στοιχεῖον* вовсе не означает «зачаровывать», как считает Дильс на стр. 55, который там продолжает историю слова по очень узкой линии. Скорее, это слово означает «укоренять» в смысле «крепко привязывать», реально[51] и символически. Как человек, который особенно хорошо понимал символическое «укоренение», означающее магическую привязку и привязывание к месту, Аполлоний Тианский называется *στοιχεῖωμاتيός* у *Cedrenus* I 346, 18. Тот же термин *οἱ στοιχεῖωματιοί* встречается уже в *Καρπός* (Псевдо-Клавдий Птолемей)[52], без того, чтобы контекст давал больше информации, чем то, что речь идет о людях, занимающихся астрологией. Мы должны сделать вывод, что существовало некоторое количество магов, астрологов и т. д., которые занимались этим видом «основания».

В новогреческом языке *στοιχεῖο* означает дух, призрак. Лагеркранц на стр. 80 и далее убедительно объясняет, как это возникло из верований и обычаев, связанных с *θεμελίον* домов.

Все это не имеет прямого отношения к тому, что *στοιχεῖον* может также означать букву, как утверждает Альбрехт Дитерих, *Rhein. Museum* 56 (1901) с. 102 и далее = *Kl. Schr.* с. 225 и далее. Но без труда можно понять, как «тот факт, что буква и светило обозначаются одним и тем же словом, мог побудить мистически настроенные умы искать между ними реальные соответствия». *Lagercrantz*, с. 57.

[46] История значения στοιχεῖον («Elementum», Лейпциг, 1899) по Дильсу в решающих моментах исправлена Лагеркранцем, *Elementum, eine lexikologische Studie. Skrifter utgifna af K. Humanistiska Vetenskaps-Samfundet i Uppsala* XI 1, Лейпциг, Harrassowitz, 1911.

[47] Против схожего происхождения высказывал сомнения и Па.-Сабас, «Über die Mysterien der griechischen Buchstaben», ed. Hebbelynck, *Muséon N. S. I* (1900) p. 21 f.: «Буквы называют элементами (στοῖχος!) не потому, что они сами не поддаются разложению на элементы (т. е. являются наименьшей единицей письма), как полагали мудрецы Греции в своей пустоте, а потому, что в их чертах отражена форма элементов сотворенного мира».

[48] Cumont, *Textes et Monuments I* 6; Dieterich, *Mithrasliturgie* 2-е изд. с. 64; Diels *Elementum* 45; Cumont-Gehrich, *Die Mysterien des Mithra*² 1911 с. 104 и далее.

[49] Впервые упоминается у Гиппобота, писателя I в. до н. э., который, согласно Диогу Лаэртию VI 102, говорил о шляпе Менедема, основателя философской школы в Эретрии, что на ней были изображены двенадцать στοιχεῖα (Diels, с. 45, Lagercrantz, с. 62). На основании Татиана, *orat. ad Graec.* 9 στοιχεῖωσις δὲ αὐτοῖς ἡ ζώωσις ἦν, Лагеркранц интерпретирует это выражение следующим образом: в качестве опоры им (планетам) служило население неба животными (с. 60 и 73).

[50] По мнению Дильса, это изменение значения слова произошло через грамматическое использование στοιχεῖον в значении «буква». Фраза Дильса, приведенная Никомахом из Герасы, с. 44: «Таким образом, в продолжение старых причуд пифагорейцев (), неопифагорейская школа перенесла алфавит на небо», Лагеркранц мог бы опровергнуть следующим хронологическим аргументом: В отрывке из сочинения Веттия Валенса, астролога II века н. э., можно прочесть, что в отличие от сложного метода Веттия, ἀρχαὶ οἱ обозначали знаки зодиака двумя буквами в порядке Α Ν, Β Σ и т. д. до Μ Ω. Под ἀρχαὶ οἱ в астрологической литературе обычно подразумеваются «Нехепсо и Петосирус». Вероятно, уже эти основатели греческой астрологии во II веке до н. э. и тот факт, что στοιχεῖον могло означать «буква» и «знак зодиака», побудили их связать их между собой (см. об этом ниже в разделе об астрологии).

[51] В пользу Лагеркранца убедительно говорит место в *Anonymi Byz. Παραστάσεις* ed. Preger (*Progr. d. Kgl. Max-Gymnas. München* 1898) p. 33, 12 § 72 ὁ λεγόμενος Νεώριος ὁ καὶ Ἀριάδιος, ὃν Κόνων ἐστοιχειώσατο, где Дильс также перевел последнее слово как «строить».

[52] Издание 16⁰ от 1552 г., с. 214.

§ 4. ДЕТСКАЯ МИСТИКА

Я хотел бы упомянуть еще одно возможное происхождение мистики букв. В древности и вплоть до XVIII века гораздо большее значение, чем сегодня, придавали изучению алфавита до уровня виртуозного владения им.[53] В то время как для нас алфавитная последовательность важна только для каталогов и словарей, для людей древности она была также следствием чисел[54], и, как мы видели, в результате учений Пифагора в древности и средневековье это имело не только практическое значение. Мы слышим, что в школе алфавит изучали в прямом и обратном порядке: Α Ω Β Ψ Γ Χ и т. д.[55] Изучение букв было, таким образом, неотъемлемой частью

детства, и известно, что детские воспоминания могут ассоциативно становиться факторами религиозной жизни взрослых.

Альбрехт Дитерих в своей «Митральной литургии» представил прекрасную коллекцию «литургических образов» божественного детства. Речь идет в основном о зачатии божеством и рождении от него. В поздней античности, особенно в христианской мистике, вещи, связанные с детством, также имеют религиозный оттенок. Сам Христос сказал: ἐὰν μὴ στραφῇτε καὶ γένησθε ὡς τὰ παῖδια, οὐ μὴ εἰ σέληθητε εἰς τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν Мф. 18, 3 Лк. 18, 17. Эти слова не всегда понимались в их простой глубине. У Климента Александрийского Христос выступает в роли Paidagogos, воспитателя детей. Его образ был уже слишком четко очерчен, как и его положение в догматической системе, чтобы правоверный писатель мог придать этому персонажу реалистичные детали. Тем более ученики должны чувствовать себя здесь маленькими детьми. Наиболее странно это проявляется в длинной главе о молоке в Paidagogos I 6 p. 112 P, названной πρὸς τοὺς ὑπολαμβάνοντας τὴν τῶν παιδίων καὶ νηπίων προσηγορίαν τὴν τῶν πρώτων μαθημάτων αἱ νίττεσθαι διδαχὴν.[56] Недавно мы нашли параллель в 19-й оде Соломона, которая показывает нам, что речь здесь идет не о странностях отдельных лиц, для которых есть соответствия только в известных немецких церковных гимнах XVII века или в выражениях Цинцендорфа, а о распространенных настроениях:

Мне подали чашу молока, и я выпил ее в сладости доброты Господа.

Сын — это чаша, а тот, кого доили, — отец.

И доил его Святой Дух, потому что его груди были полны и т. д.

Человек осознает, что совершает благочестивый поступок, когда поступает по-детски по отношению к божеству и в его честь.

Великий гностик Валентин утверждал, что Логос явился ему в образе маленького ребенка и таким образом сообщил ему свои откровения (Ипполит Философский. VI 5, 43, стр. 309 Cruice). Его ученик Марк толковал стих 2 из 8-го псалма: «Устами детей и младенцев Ты основал крепость ради врагов Твоих, чтобы заставить замолчать врагов и мстительных»[57], так, что он воспринял крики младенцев как гласные. Таким образом, дети прославляют Бога, как сказано в Псалме 19, 1: «Небеса рассказывают о славе Божьей». Последний стих он, конечно, интерпретировал в связи с отношениями между гласными и планетами, о которых пойдет речь ниже (ср. Ирен. adv. haer. I 14, 8 Manucci; Eriphan. I 3, 7 haeres. 34), и считал крики младенцев подтверждением этой связи. Игра слов в стихах Бранхоса против чумы, о которых пойдет речь позже, считается Климентом Александрийским благочестивым упоминанием о детстве (Stromata V 8, 48 p. 675 P.): αἱ νίσσεται, οἱ μαι, τὴν ἐν τῶν τεσσάρων καὶ εἴκοσι στοιχείων ψυχῆς γαλακτώδη τροφήν, μεθ' ἧν ἥδη πεπηγὸς γάλα βρώμα, τελευταῖον δὲ αἱ μα ἀμπέλου τοῦ λόγου τὸν „αἱ θοπα οἱ νον“ τὴν τελειοῦσαν τῆς ἀγωγῆς εὐφροσύνην διδάσκει.

То же самое имел в виду Ремигий из Осера († ок. 908) в своем tractatus de dedicandis ecclesiis, говоря о пепельном кресте на полу новых церквей, на котором пишется алфавит.[58] Император Дидий Юлиан в 193 г. н. э. также заставлял молодых юношей, которым завязывали глаза, смотреть в зеркало, чтобы предсказывать будущее ([59] Один юноша выступает в роли Пифии у Гиппокла (Hippol. philos. IV 4, 1 p. 93 ff. Cruice).

Так, многие, кто, возможно, по упомянутым причинам видел в буквах нечто священное, могли быть укреплены в этом представлении тем, что они были для них священной частью детства. И именно усердное изучение алфавита могло способствовать этому; позже станет ясно, как порядок алфавита, который занимал свое место в начальном обучении детей, использовался как мистически значимый. Да, на этом этапе обучения помогали магией, при этом алфавит в смысле высоких представлений о происхождении письменности предстает как символ всего знания. Чтобы сделать ребенка жаждущим знаний и легко усваивающим, новогреческий магический рецепт советует написать алфавит на чаше, используемой для святых хлебов, освятить ее и растворить надпись чистым вином; это должно выпить ребенок.[60]

[53] Детям давали пирожные (Гораций, сатиры I 1, 25), слоновую кость (Квинтилиан, inst. I 1, 26) и кубики с алфавитом (Иероним, epist. ad Laetam 107, 4). Об алфавитном печенье древней Ирландии см. Gaidoz, Les gâteaux alphabétiques, Mélanges Renier, Bibliothèque des hautes études Paris 1887. Откуда взялись русские буквы, которые и сегодня можно съесть в виде — кстати, весьма вкусного — печенья, я не знаю. В любом случае, этот обычай, как и суповые макароны в форме букв, восходит к древним временам. Подобные методы элементарного обучения описывают еще Рабле, Гаргантюа I 14. Голдсмит, викарий Уэйкфилда, гл. 12. Смоллет, Хамфри Клинкер, изд. Таухниц, с. 122; о пекарне букв Базедова см. Грасбергер, Воспитание и обучение в классической древности I 2, 267, Вюрцбург 1864, ср. Леклерк у Каброля, Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie I, Париж 1907, s. v. Abécédaire p. 60 f. Бойдель, Qua ratione Graeci liberos docuerint, диссертация, Мюнстер 1911. См. также любопытную историю о тупоумном сыне Герода Аттика, известного оратора времен Антонинов, у Филострата, vit. sophist. II 10, с. 66 Kayser: он выучил алфавит, по крайней мере, благодаря 24 своим товарищам по играм, которых он называл буквами.

[54] О возрасте мидийского числового алфавита (VIII в.) см. Larfeld, Griechische Epigraphik³ (1914) с. 294 и далее. Однако буквы α-ω также использовались для обозначения чисел от 1 до 24, так же как мы делаем это с нашими буквами. Примерами являются таблички, использовавшиеся в Олимпии для жеребьевки бойцов (Лукиан Гермотимос 39), театральные билеты (J. Friedländer, Hermes 9 (1875) 251 ff. Своронос, Περί τῶν εἰ σιτηρίων τῶν Ἀρχαίων, Journal International d'Archéologie numismatique I (1898) 45-120; III (1900) 197-235; 319-349), нумерация карнизов зданий (Karapanos, Dodone et ses ruines 68 f. pl. 34-40; фессалийские надписи у Lolling, Athen. Mitt. VII (1882) 69. Карнизы алтаря в Пергаме, Robert, Hermes 18 (1883) 466 ff. Eisler, Weltenmantel und Himmelszelt, Nachtrag), секций суда Гелиаста в Афинах (Lipsius, Das attische Recht und Rechtsverfahren I [1905] S. 140 f.), полей («casae literarum», надпись из Халесы, IG XIV 352. Gromatici ed. Lachmann I 309; II 235, 268, 409), обозначения городских кварталов Александрии (Ausfeld, RM 55 [1900] 379, Der griechische Alexanderroman, Leipzig 1907, с. 139), песен гомеровских поэм (Woisin, De Graecorum notis numeralibus, Diss. Kiel 1886, с. 30), дней недели (Boll s. v. Hebdomas, PW Sp. 2573). О нашем обозначении семи нот октавы от С до Н см. ниже. Алхимик Зосим также обозначил 28 книг своего труда буквами, так же как Мани и Афраат обозначили свои 22 буквами сирийского алфавита. Пахомий пронумеровал свои монашеские классы буквами, см. ниже раздел о спекуляциях по поводу всей алфавитной серии.

[55] Квинтилиан, inst. or, I 1, 25: Quae causa est praecipientibus, ut etiam, com satis affixisse eas pueris recto illo quo primum scribi solent contextu videntur, retroagant cursus et varia permutatione turbent, donec litteras qui instituuntur facie norint, non ordine. Иероним в Иеремии 25, 26, Migne PL 24, 838 = p. 311 Reiter 1913. Далее в письме 107 к Лаэте о воспитании ее дочери II p. 294 Hilberg:

Et non solum ordinem teneat literarum et memoria nominum in canticum transeat; sed ipse inter se crebro ordo turbetur, et mediis ultima, primis media misceantur, ut eas non sono tantum, sed et visu poverit. Дитерих, Rhein. Mus. 56 (1901) с. 99. Подобные школьные упражнения находятся на остраконе в Британском музее, на фрагменте колонны из Спарты, на папирусе из Гермополиса, ср. Milne, Journ. hell. stud. 28 (1908) с. 121 nr. 1; Annual of the brit. school of Athens XII 476; Wessely, Studien zur Paläogr. und Papyruskunde II (1902) p. XLV nr. 2; Ziebarth, Aus der antiken Schule², Kleine Texte Nr. 65, Bonn 1913 S. 1 ff.

[56] О отголосках определенных обычаев при заключении родственных связей в этой главе Adolf Jacoby, Archiv für Religionswissenschaft 13 (1910) с. 549 ff.

[57] Что, на мой взгляд, лучше всего объясняется, если соотнести его с комментарием Хитцига о том, что в войне победоносный враг смягчился под крики младенцев, ср. например 1 Цар. 30, 2.

[58] Migne PL 131, 851: Quid autem per alphabetum nisi initia et rudimenta doctrinae sacrae intelligi convenit? Очевидно, в соответствии с Посланием к Евреям 5, 12: τὰ στοιχεῖα τῆς ἀρχῆς τῶν λογίων τοῦ θεοῦ. Это объяснение взято из de Rossi, Bullettino di archeologia cristiana 1881, с. 135, и из Leclercq в Cabrol, Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie, Paris 1907, s. v. Abécédaire, с. 56.

[59] Aelius Spartian, vita Didii Iuliani VII 10. Ο κατοπτρομαντία Bouché-Leclercq, Histoire de la divination, Paris 1879, I 185. Wunsch, Hess. Blätter für Volkskunde 3 (1904) 154 ff. Reitzenstein, Historia monachorum, Гёттинген, 1916, с. 244 ff.

[60] Эббот, Македонский фольклор, Кембридж 1903, с. 362. Прадель, Греческие молитвы и т. д. Religionsgesch. Versuche u. Vorarbeiten III, Гиссен 1907, с. 381; Якоби, Архив религиоведения 13 (1910) 529.

II. РАЗЛИЧНЫЕ ОБЛАСТИ МИСТИКИ БУКВ

§ 1. СПЕКУЛЯЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ БУКВ

Мы видели, что древние пифагорейцы в силу всего своего мышления были склонны видеть в буквах нечто сверхграмматическое. В каком направлении, показывает странная заметка в схолиях к Дионисию Фракс (с. 183, 30): Ἀπολλώνιος ὁ Μεσσήνιος ἐν τῷ περὶ τῶν ἀρχαίων γραμμάτων φησὶ τινὰς λέγειν, ὅτι Πυθαγόρας αὐτῶν τοῦ ἰάλλους ἐπεμελήθη, ἐκ τῆς κατὰ γεωμετρίαν γραμμῆς ῥυθμίσας αὐτὰ γωνίαις καὶ περιφερείαις καὶ εὐθείαις. Таким образом, в пифагорейских кругах — никто не станет настаивать на личности Пифагора, несмотря на определенные свидетельства — искали и находили символизм в форме отдельных букв. Для этого есть еще много отдельных доказательств.

В медицине до сих пор дельта означает τὸ γυναικεῖον αἰδοῖον. Это древнее обозначение, см. Аристофан, «Лисистрата», 151: γυναι παρίοιμεν, δέλτα παρὰ τετιλμένα. Пифагорейцы видели в дельте треугольник. Таким образом, согласно учению Пифагора, треугольник становится ἀρχὴ γενέσεως καὶ τῆς τῶν γενητῶν εἰς δοποῖας (Прокл. в Евклиде. 166, 14 Friedlein), ср. место Порфирия у Евсевия. praer. ev. III 7, 4 p. 98: κῶνον μὲν ἡλίω γῆ δὲ κύλινδρον, σπορᾷ τε καὶ γενέσει φάλητα καὶ τὸ τρίγωνον σχῆμα διὰ τὸ μόνιον τῆς θηλείας.[61] 14-страничное обсуждение Δ содержится в сохранившейся на коптском языке книге «О тайнах греческих букв», которая приписывается великому палестинскому основателю монастыря Савасу из Таласа († 532), с. 112–129

публикации Хеббелинка, Muséon N. S. I [1900]. Δ означает творение, это στοιχεῖον ὁλόκληρον, ὁμάς[62] космоса; своими тремя углами оно указывает на Троицу и шесть дней творения, а как четвертая буква является символом четырех стихий и других тетрад.[63]

О букве Ε как изображении весов в Theologumena arithmetica p. 30 Ast (ср. Lobeck, Aglaophamus S. 1341, 1345) — среди прочих спекуляций о том, что 5 является серединой 9 — говорится следующее: καὶ τῷ σχήματι δὲ οἱ τοὺς τῶν γραμμάτων χαρακτῆρας προτυπώσαντες. ἐπεὶ τὸ Θ τοῦ ἐννέα σημαντικὸν ὑπάρχει, μεσότης δὲ αὐτοῦ ὡς τετραγώνου τὸ Ε, τὸ δὲ μέσον ἐν ἐκαστῷ σχεδὸν κατὰ τὸ ἥμισυ ὁρᾶται, ἥμισυ τοῦ Θ γράμματος τυποῦσθαι τὸ Ε ἐπενόησαν, ὡς διχοτόμημα τοῦ Θ, καθὰ καὶ τὸ τοῦ Ο. Τοῦτω δὲ τῷ πρόπῳ τῆς δικαιοσύνης τῷ Ε ἀριθμῶ δίκαιότατα ἐνοφθείσης καὶ τῆς τοῦ στίχου ἀριθμητικῆς εἰ κόνος ζυγῶντι οὐκ ἀπιθάνως εἰ κασθείσης, τὸ παράγγελμα τοῖς γνωρίμοις ἐν συμβόλου σχήματι ὁ Πυθαγόρας ἐνεποίησατο ‘ζυγὸν μὴ παραβαίνειν’ τουτέστι δικαιοσύνην. Другое о Ε из Феодора из Асины у Прокла в Tim. 225 b II 274 Diehl, о Ζ там же, с. 275 внизу. — Знаменитое Ε в Дельфах, о котором Плутарх написал диалог, здесь не рассматривается, поскольку первоначально оно, вероятно, не было буквой, а «другим ἀνάθημα, предположительно κλεις κρυπτή, которое сначала было освящено как изобретение, затем символически понято и, наконец, интерпретировано как Ε. Ведь ключ Баланоса очень похож на архаическое Ε». Diels, Vorsokr. II² 520 прим. 5; Parmenides, Berlin 1897, с. 143; Norden, Agnostos Theos, Leipzig 1913, с. 231 и далее. Кстати, довольно странно, что в диалоге Плутарха нет ничего о мистике букв.

Θ (= 9) изначально было символом великой египетской Эннеады. Кроме того, его круглая форма, по-видимому, отражала форму мира. У Филона из Библа, фр. 9 FHG III, с. 572, из Euseb. praep. ev. I 10 = Johannes Lydus de mensibus IV 161, с. 177, Вюнш пишет: ἔτι μὲν οἱ Αἱ γύπτιοι τῆς αὐτῆς ἐννοίας τὸν κόσμον γράφοντες περιφερῆ κυκλὸν ἀεροειδῆ καὶ πυρωτὸν χαράσσουσι καὶ μέσον τεταμένον ὄφιν ἢ ερακόμορφον [οἱ οὖν συνεκτικὸν ἀγαθὸν δαίμονα] (καὶ ἐστὶ τὸ πᾶν σχῆμα ὡς τὸ παρ’ ἡμῖν Θ) τὸν μὲν κυκλὸν κόσμον μηνύοντες, τὸν δὲ μέσον ὄφιν συνεκτικὸν τούτου ἀγαθὸν δαίμονα σημαίνοντες. — Это чисто астрономическое выражение в schol. в Dionys. Thrac. p. 321, 37 и 488 Hilgard: Θῆτα ὅτι τοῦ παντὸς θεσιν μιμεῖται· ἡ δὲ τοῦ παντὸς θεσίς ἐστὶν ὁ οὐρανός, ὃς τό τε κυκλωτερές ἔχει καὶ τὸν διὰ μέσου ἄξονα τῇ κατὰ μέσον χαρακτηρισθέντα μακρῶς и перенято в Etymologicum Magnum p. 441.[64] Поскольку при виде одиночной буквы Θ легко вспомнить, что слово θάνατος начинается с нее, это несчастливое значение nigrum theta (Persius 4, 13) боязливо избегается, например, в датах александрийцев и буквах на монетах Галлиена.[65]

Ι, вероятно, было сохранено благодаря слову Iesu, Мф. 5, 18: οὐ μὴ παρέλθῃ ἡ ῥα ἐν. Имя Спасителя также начинается с этой буквы. Так, в средневековье она играет довольно важную роль на монетах; а Псевдо-Иоаким Флорийский в «De seminibus scripturarum» (XIII век) пишет об этом: Littera minima in forma sed maxima in sacramento. [66]

Τ напоминало крест (σταυρός), как замечали и язычники, ср. Лукиан, Δίη φωνηέντων 61. Методы, которые христиане нашли, чтобы еще теснее связать Τ с Иисусом, будут рассмотрены ниже в разделе о гностике Маркосе.

Υ является γράμμα φιλόσοφον schlechthin (Прокл в Plat. Tim. III 225). Во многих местах оно понимается как иллюстрация притчи о двух путях добродетели и порока, которая с времен Гесиода была очень популярна в греческой и иудейской моралике.[67] Сам Пифагор, как считается, указал на этот смысл Υ.[68] Недавно в работе «» Бринкманн также правильно интерпретировал «памятник неопифагорейству» (Rhein. Museum 66 [1911] S. 616 ff.), на котором большая буква Υ составляет центр изобразительного представления Πίναξ Кебесса.

А и Ω были освящены в христианских кругах через ΑΩ из Откровения Иоанна (см. об этом отдельный раздел ниже). Но вполне в духе пифагорейцев Феодосий Александрийский пишет, περὶ γραμματικῆς p. 4 Groettling, строка 12, что Α состоит из трех черт, то есть представляет собой ἀρχὴ πλήθους[69], так же как и Паулин из Нолы, carmen 29, 645 и далее:

645

Alpha crucem circumstat et Ω, tribus utraque virgis

littera diversam trina ratione figuram

perficiens, quia perfectum est mens una, triplex vis.

Точно так же Клеменс Брентано в «Романсах о розарии» X 80 и далее интерпретирует Троицу в Α:

«Я хочу научить тебя,

Как формируется Алеф.

Оно состоит из трех черт,

Как и единство Бога,

Это Алеф всей жизни,

В трех божественных лицах».

Α об Ω писал алхимик Зосим (Berthelot, Collection des alchymistes grecs II 228): τὸ Ω στοιχεῖον <τὸ> στρουγγύλον, τὸ διμερές, τὸ ἀνῆκον τῇ ἐβδόμῃ Κρόνου ζώνῃ κατὰ τὴν ἔνσωμον φράσιν—κατὰ γὰρ τὴν ἀσώματον ἄλλο τί ἐστὶν ἀερμηνεύτητον, ὁ μόνος Νικόθεος <ὁ> κεικρύμμενος οἷ δὲν, κατὰ δὲ τὴν ἔνσωμον, τὸ λεγόμενον ὤκεανος θεῶν, φησὶν ᾽πάντων γένεσις καὶ σπορά, ср. Reitzenstein, Poimandres S. 267. Historia monachorum, Гёттинген 1916, с. 150. Подобное об Ω можно найти в Etymologicum Magnum, с. 294, 29. Загадочное замечание Исидора Севильского, Etymologiae I 3, о том, что пять букв являются мистическими, а именно Α Θ Τ Υ Ω, теперь становится понятным.

Византийские лексикографы с удовольствием подхватили эти идеи (ср. Fuhr, Berl. phil. Wochenschr. 31 [1911] с. 1176[70]), как и греко-византийские разговорники.[71] Таким образом, размышления над отдельными буквами, должно быть, занимали определенное место в школьном образовании Восточной Римской империи. Пример: Γ παρὰ τὸ ἀμῶν, τὸ θερίζειν· δρεπανώδης γὰρ ὁ τύπος αὐτοῦ. Использование алфавитных акростихов во всевозможных учебных стихах, вероятно, еще больше способствовало этому, см. ниже раздел об акростихах.

У Острома нашлось еще одно основание для таких спекуляций. В византийскую эпоху во время празднования Брумалий, которые тогда длились с 24 ноября по 17 или 18 декабря, сложился обычай называть эти 24 или 23 дня буквами греческого алфавита (). Каждый член высшего общества устраивал в тот день праздник, который обозначался начальной буквой его имени, τὰ ὑπὲρ τῶν ὀνομάτων συμπόσια (Агафий, hist. V 3, с. 140, Бонн). На этих праздниках, конечно же, не мог отсутствовать оратор. У нас еще есть панегирик софиста Хорикия из Газы εἰς τὰ τοῦ βασιλέως Ἰουστινιανοῦ Βρουμάλια[72], в котором инициала Ι императора дает повод для гротескных лести: прямая форма Ι символизирует справедливость и правду Его Величества. Ι пишут одинаково

старики, дети и юноши: доказательство того, что правитель не оказывает несправедливого предпочтения ни одному возрасту и т. п.

Отец монашества, копт Пахомий, пронумеровал греческими буквами классов монахов, созданных им; в частности, он дает следующие предписания, Палладий, *hist. Lausiaca* 38 у Migne, PG 34 p. 1100 = сар. 32 p. 90 Butler: ἐκέλευσεν εἰ κοσιτέσσαρα τάγματα εἶναι τῶν ἀδελφῶν, κατὰ τὸν ἀριθμὸν τῶν εἰ κοσιτεσσάρων γραμμάτων. Καὶ προσέταξεν ἐκάστῳ τάγματι τὸ ὄνομα τεθῆναι στοιχεῖον Ἑλληνικόν, ἀπὸ τοῦ ἄλφα καὶ βῆτα καὶ τῶν καθεξῆς ἕως τοῦ ω μεγάλου· ἵνα ἐν τῷ ἑρῳτῶν καὶ φιλοπραγμονεῖν τὸν ἀρχιμανδρίτην περὶ τινος εἰς τοσοῦτον πλῆθος, ἐρωτᾷ τὸν δεύτερον ἑαυτοῦ, πῶς ἔχει τοῦ ἄλφα τὸ τάγμα, ἢ πῶς ἔχει τὸ βῆτα· πάλι ἀσπάσαι τὸ ῥῶν ἰδίῳ τινὶ σημείῳ ὀνόματος γραμμάτων ἀκολουθοῦντος. Καὶ τοῖς μὲν ἀπλουστέροις καὶ ἀμεραιότεροις ἐπιθήσεις τὸ ἰῶτα· τοῖς δὲ δυσχερεστέροις καὶ σκολιωτέροις προστάξεις τὸ ξ. Καὶ οὕτως κατ' ἀναλογίαν τῆς καταστάσεως τῶν προαιρέσεων καὶ τῶν τρόπων καὶ τῶν βίων ἐκάστῳ τάγματι τὸ στοιχεῖον τοῦ γράμματος ἐφαρμόσεις, μόνων τῶν πνευματικῶν εἰ δότων τὰ σημαινόμενα. То же самое написано у Созомена III 14 Migne PG 67, 1072. Последняя часть этого отрывка, написанная во втором лице, по-видимому, взята из письма Пахомия, см. ниже в разделе о памятниках Абс.

Упомянутые выше объяснения, основанные на учениях Пифагора, подчеркивают прежде всего значение, присущее *форме* отдельных букв. В то же время христиане и иудеи указывают на то, что *названия* букв не являются безразличными. Эти названия были древними, более древними, а значит, более правильными, чем вся греческая мудрость.[73] Великий церковный историк Евсевий Кесарийский в своей *Praeparatio evangelica* X 5[74] с удовлетворением доказывает, что греки позаимствовали свои названия у евреев. Ведь любой еврейский школьник мог бы рассказать о значении названий букв, в то время как среди самих греков даже Платон не был бы в состоянии этого сделать, если бы он считал Ἄφα, Βῆτα и т. д. греческими словами. У отцов церкви и позднее несколько раз встречаются этимологические и назидательные толкования названий букв в связи с алфавитными акростическими отрывками в псалмах и плачах Иеремии, которые будут обсуждаться ниже отдельно. Уже Ориген Александрийский в комментарии к Псалму 126 и в «*Fe literae tractatus*» обсуждал подобное (Иероним, *epistola XXXIV ad Marcellam de aliquot locis Psalmi CXXVI*, с. 260, Hilberg). Самым старым из сохранившихся комментариев такого рода является *expositio in Psalmum CXVIII* Амвросия из 387 года[75] (vol. V ed. Petschenig 1913, Migne PL XV col. 1198–1526). За ним следует Иероним с письмом 30 (p. 246 Hilberg), *de nominibus hebraicis* 71 (Migne PL 23, 827; Lagarde, *Onomastica sacra*, 2 Гёттинген 1887, с. 79) и комментарием к *Threnoï* Иеремии (Migne PL 25, 787–791). Собранный здесь материал был затем перенят в IX веке аббатом Пасхасием Радбертом из Корби в его *expositio in lamentationes Ieremiae* (Migne PL 120, 1059–1256), Рабанус Маур, *expositio super Ieremiam* XVIII 1 (Migne PL 111, 1183 ff.), Ремигий из Осера, *enarrationes in psalmos* (Migne PL 131 col. 145 и 732 ff.), Иосиф Флавий, *memorialis liber* 26 (Migne PG 106 p. 32 f). Небольшой староанглийский трактат подобного рода был опубликован Боннаром, *Revue des études juives* 4 (1882) p. 255 ff., а еврейский алфавитный мидраш «Отийоф Рабби Акибы» переведен в «*Aus Israels Lehrhallen*» А. Бюнше в 1909 г., IV S. 199–269.

В качестве примера можно привести А. У Суиды в словаре под словом Ἀβραάμ сказано, что Авраам изобрел буквы. Καὶ τοῦτου μαρτύριον ἡ τοῦ Ἄλφα φωνὴ τοῦ πρώτου στοιχείου καὶ ἀρχοντος, ἀπὸ τοῦ Ἄεφ Ἑβραϊκοῦ λαβόντος τὴν ἐπίκλησιν τοῦ μακαρίου καὶ πρώτου καὶ ἀθανάτου ὀνόματος. Это великолепное имя означает «познание». Ведь Алеф не всегда интерпретируется как череп быка, но часто как alliph = μαθή, ср. Euseb. *praer. ev.* V 5 p. 474 b и XI 6 p. 519 c, Феодосий

Александрийский, περὶ γραμματικῆς p. 1 Goettling. В последнем месте далее говорится: Бог открыл человеку рот для речи звуком, требующим максимального открытия. Также будет иметь значение ΑΩ из Апокалипсиса Иоанна. Кроме того, каждый, кто по какой-либо причине видел в буквах нечто трансцендентное, наверняка был склонен начинать с Α. Так, в апокрифическом рассказе о мальчике Иисусе из Марка, когда ему предстояло выучить буквы в школе, он спросил своего учителя, знает ли тот, что такое Α.[76] Точно так же Иоанн Златоуст в своей проповеди « » IX в «epist. ad Hebr. Migne PG 63 col. 77» сначала излагает свои мысли об Α: ὡπερ γὰρ ἐπὶ τῶν στοιχείων τὸ πᾶν ἄλφα συνέχει, καὶ ὁ θεμέλιος τὴν πᾶσαν οἱ κοδομήν, οὕτω καὶ τοῦ βίου τὴν καθαρότητα ἢ περὶ τὴν πίστιν πληροφορία. Ταύτης δὲ ἄνευ οὐκ ἔστιν εἶναι Χριστιανόν· ὡπερ οὐδὲ θεμελίων ἄνευ οἱ κοδομήν, οὐδὲ στοιχείων χωρὶς ἔμπειρον γραμμάτων εἶναι.

Из античной школы происходят такие стихотворения, как Ausonius, De litteris monosyllabis Graecis et Latinis S. 166 Peiper. Scotus, versus de alphabeto в PLM ed. Baehrens V p. 375 с комментарием Expositio prescripti alphabeti ed. Omont, Bibl. des hautes études, Paris 1881, p. 429. Cabrol Dictionnaire p. 61. Особое значение, по-видимому, имеет сочинение XIII века De semine — или seminibus — scripturarum, которое ошибочно приписывается известному апокалиптику аббату Иоакиму из Флориса в Калабрии († 1202). Фриденсбург, Symbolik der Mittelaltermünzen, с. 90 и далее, печатает характерный отрывок из него.

В Dit de l'ABC (440 стихов) от Hue de Cambrai (около 1250) «буквы алфавита связываются с распространенными словами, которые начинаются с них (например, crois, son у C, dieu у D, Eve у E, lettres, langue у L, Marie при M и т. д.), либо им придается намеренный смысл в соответствии с их формой (как в случае с PQ), не без сатирических выпадов в адрес развращенного времени» (Groeber, Grundriß der romanischen Philologie II 837).

В вышеупомянутом месте Hieronymus de nominibus Hebraicis 71 приводятся только краткие, чисто этимологически-грамматические сведения о значении названий букв в иврите. Никаких мистических или назидательных толкований к ним не приводится. Согласно первому предложению Migne PL 23 col. 771, этот ономастикон является переработкой сочинения Филона Александрийского. Таким образом, для Филона не подтверждается какая-либо мистика букв. Она не подтверждается и в других источниках. Тем не менее, Д. Х. Мюллер в Sitzungsberichten d. k. Akademie Wien, philos.-histor. Kl. 167. Bd. 2. Abh., Wien 1911, основываясь на этом факте и опираясь на сравнение толкований Амвросия и Иеронима, с одной стороны, и позднееврейских мидрашей, с другой, частично реконструировать «утраченное сочинение Филона об этимологии и символике букв»[77] zu . Очевидно, насколько произвольно в этом случае датировать спекуляции IV века I веком.

В качестве приложения я хотел бы собрать для читателей, которые, вероятно, будут искать здесь подобную информацию, некоторые сведения о символике букв не магического и религиозного характера, играх слов и т. п.

Как и следовало ожидать в древности, не обходится и без обценных элементов. Однако в случаях, которые нас здесь интересуют, речь идет не о примитивном отсутствии всякого стыда, тесно связанном с религиозностью народов, живущих в гармонии с природой, а о простых непристойностях. Для примитивного человека непристойность, священная тайна зачатия, является табу, ее ищут и избегают, почитают и используют в качестве удивительного средства защиты от демонов. Но даже в этом случае, как часто говорил Альбрехт Дитерих, не следует делать вид, что людям это не доставляло удовольствия. В буквальных непристойностях все

сакральное полностью отсутствует, это παίγνια, свидетельства безжалостного арго греков и римлян или неуместные школьные шутки.

Самым старым из них будет Aristoph. Eccl. 920: δοικεῖς δέ μοι καὶ λάβδα κατὰ τοὺς Λεσβίους.[78] Затем в Priapeum 54 следует загадка:

CD si scribas temonemque insuper addas,

qui medium te vult scindere, pictus erit

Решение: testiculae + mentula φ. Самым сильным является эпиграмма 87 Авзония, с. 344 Peiper: «Ad Eunum ligurritorem paedagogum»[79]. Однако загадка от διπλοῦν γράμμα Συρηκοσίων сюда не относится: Anthol. Pal. V 191 Μελεάγρου· εἰς Καλλίστιον.

Γυμνὴν ἥν ἐσίδῃς Καλλίστιον, ὥξένε, φήσεις·

“Ἰλαῖται διπλοῦν γράμμα Συρηκοσίων.”

Решение безобидно. В слове Συρηκόσιοι дважды встречается звук συ : σι из слова . При перестановке получается ὤς.[80] Подобные анаграммы здесь не должны приниматься во внимание, иначе пришлось бы переработать значительную часть всех древних загадок, а если учитывать и более позднее время, то и развлекательные рубрики всех газет и журналов. Древний материал собран в работе Олерта «Загадки и загадочные игры древних греков»² (1912) с. 211–241. Вольфганг Шульц, PW s. v. Rätsel Sp. 109 f.

Буквы также служат именами или прозвищами людей. Довольно забавным является имя, которое коринфянин Амфион дал своей хромой дочери, которая позже стала матерью тирана Кипселоса (). Он назвал ее Лабда[81]; конечно, имеется в виду архаичное слово «

», которое хорошо отражает неравную длину ног. Кроме того, существует множество школьных анекдотов. Великого ученого Эратосфена называли Βῆτα[82], Аристарха — Σατιρος Ζῆτα, астронома и математика Аполлония из Перги — Ε[83] — типичные школьные прозвища, которые, вероятно, и сегодня встречаются в каждой гимназии. Обычно они имеют совершенно случайное происхождение, которое скоро забывается. Позже к ним придумываются какие-то причины. Невероятные поводы, которые передают Птолемей Гефестион и другие, опровергнуты Лерсом в упомянутом выше источнике. Но если он хочет все свести к физическому сходству названных лиц с соответствующими буквами, то это снова односторонний подход. Здесь мы должны быть немного скромнее.

Простая нумерация имеет место, когда Марциал II 57 и V 26 называет своего друга alpha paenulatorum, а себя beta togatorum. Anth. Palat. XI 15 — это шутка в адрес врача, который вылечил от смерти разных людей, чьи имена начинаются на букву А. Поскольку врач, по-видимому, намерен действовать в алфавитном порядке, поэт хочет называться Ὀρίγνης.

Пословица любит накопление в симметричной форме. Так развивается либо приамель

Пример: Ὑγιαίνειν μὲν ἄριστον ἀνδρὶ θνατῷ
δεύτερον δὲ φῦλιν καλὸν γενέσθαι и т. д.[84]

или числовая пословица, которую так любят восточные народы. Пример: Четыре животных можно вести на поводу: лошадь, мул, верблюд и осел. — Шесть вещей служат человеку, три находятся в его власти, а три — нет: глаз, ухо и нос не находятся в его власти. Рот, руки и ноги находятся в его власти (Талмуд.)[85] С этими формами тесно связана игра со словами, имеющими одинаковые начальные буквы. В образовавшемся таким образом стихотворении повторяющаяся буква получает особое значение и выделяется как самая важная. Например: τρία καππα καίματα, а именно критяне, киликийцы, каппадокийцы (Suidas s. v. καππα); латынь: Cornelius Sulla, Cornelius Cinna, Cornelius Lentulus: Schneidewin-Leutsch, Paroemiogr. II S. 369 (из Августина, de grammat.). Фриденсбург, Die Symbolik der Mittelaltermünzen I, Berlin 1913, с. 90, ссылается на Gesta Romanorum, гл. 13, 42, 125 и приложение, гл. 3, издания Грессе и приводит в качестве примера: «Каждый должен почитать четыре П: patriam, parentes, praeseptorem, praetorem» и три средства управления Rè Bomba Фердинанд II Неаполитанский: farina, forca, festa. К этому можно добавить еще «три злых бедствия», которые поразили Пруссию при короле Фридрихе I: Вартенберг, Витгенштейн, Вартенслебен.

[61] Иоанн Лид, De mens. II 8 p. 28 Wunsch: οἱ Πυθαγορεῖ οἱ τριάδα μὲν ἐν ἀριθμοῖς ἔν τε σχήμασι τὸ ὀρθογώνιον τριγώνον ὑποτίθενται στοιχεῖον τῆς τῶν ὅλων γενέσεως, к этому Lobeck, Aglaophamus 1345. Delatte, BCH 37 (1913) S. 263 ff. Дельтатон как созвездие у Арата 233 и во многих других местах; после этого в византийском сборнике бесед говорится: Δέλτα ἀπὸ τοῦ δελτωτοῦ ἐξ ὁστέρων συγχεῖμένου. Heinrici, Abhandl. d. sächs. Ges. philos.-histor. Kl. 28 (1911) с. 90, 18. Текст исправлен Stählin, Byzantin. Zeitschr. 21 (1913) с. 508.

[62] Об этом выражении см. ниже в разделе об ономотомантии.

[63] Далее следует толкование отдельных букв в контексте этапов творения. Начиная с П, символы относятся к Христу (с. 271 и далее). На с. 114 приводится иллюстрация, где треугольник дельта как образ космоса разделен на несколько уровней, обозначающих верхнее небо, воды неба, твердь, землю. Согласно сообщению д-ра К. Йегера-Страсбурга, эти уровни также подтверждаются эфиопскими источниками. В рукописи Британского музея Orient 503 fol. 1 b находится трактат о красоте творения, в котором определены следующие пять уровней: небо света, верхние воды, свод, нижние воды, земля. Рисунок в виде треугольника там отсутствует.

[64] См. Lobeck, Aglaophamus 1341.

[65] Friedensburg, Berliner Münzblätter N. F. 4, с. 25. Марциал VII 37, 2.

[66] Friedensburg, Symbolik der Mittelaltermünzen I, Berlin 1913, с. 69 и далее.

[67] Альбрехт Дитерих, Nekyia, с. 182, Kleine Schriften, с. 472. Вюнш, Sethianische Verfluchungstafeln, с. 98.

[68] Персий III 56 со школиями. Лактанций. instit. div. VI 3, 6. Сервий к Энеиде 6, 136. Авзоний technop. 12. 13 с. 138 Шенкль; Максимин в Anthol. lat. 632 Ризе; Марциан. Cap. II § 102; Иероним в Eccl. Migne, PL 23, 1091; ср. Lobeck, Aglaophamus, с. 1341, 1344; Dieterich, Nekyia (1893), с. 192; Pascal в Miscellanea Ceriani (1910) p. 64; Wolfgang Schultz, Philologus 68 (1909) S. 488 ff.

[69] Steintal, Geschichte der Sprachwissenschaft der Griechen und Römer² II (1891) S. 366.

[70] Ἑτυμολογία τοῦ ἁλφάβητου Etym. Gud. Приложение, с. 595 Sturz.

[71] Heinrici, Die griechisch-byzantinischen Gesprächbücher, Abhandl. d. Kgl. sächs. Gesellschaft d. Wissenschaften, histor.-philol. Klasse, Bd. 28 (1911) S. 90, 14; Nachträgliches zu den griechisch-byzantinischen Gesprächbüchern, Berichte der Kgl. sächs. Gesellschaft, histor.-philol. Kl. T. 64 (1912) 8. 179 f.: ein cento grammaticus codex Marcianus VII 38. В первом трактате Heinricischen S. 87, 27, есть несколько строк о буквах как σφραῦῖ δες. Похожее можно найти в рукописи письма Иисуса королю Абгару Эдесскому, которое в средневековье служило палладиумом, см. Dobschütz, Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie 43 (1900) с. 443.

[72] Изд. Р. Фёрстером, Index lectionum Vratislaviensium 1891.

[73] Так и сегодня считают на Востоке. Древность — это первое, что требуется от традиции. И современные достижения с трудом могут противостоять традиции.

[74] То же самое в праер. ev. XI 6, с. 519.

[75] Определение времени J. B. Kellner, Der hl. Ambrosius als Erklärer des AT, Regensburg 1893, с. 153. Амвросий умеет доказать связь между начальными буквами и содержанием стихов, начинающих с них. Буква акростиха появляется таким образом в качестве заголовка. В качестве примера послужит стих 4: Далет означает либо «страх», либо «рождение» (Амвросий не знает иврита). Оба значения подходят, поскольку рождение — это нечто материальное и бренное, а значит, не свободное от страха. Это прекрасно подтверждает первая строка: «Моя душа висела на пыли», поскольку пыль — это земля, а земля — это нечто материальное.

[76] Iren. adv. haeres. I 20. Евангелие от Фомы, глава 6. См. Hennecke, Handbuch zu den neutestamentlichen Apokryphen, Тюбинген 1904, 8. 136 ff., особенно с. 142, индийский параллель: каждая буква является началом пословицы. Мусульманам также понравилась история о мальчике Иисусе, ср. Schanawânî Bl. 16 (см. выше, с. 5, прим. 5) у Goldziher, Zeitschrift d. deutschen morgenl. Gesellschaft 26 (1872), с. 784.

[77] О существовании которых мы, к тому же, ничего не знаем. Результаты Д. Х. Мюллера также отвергаются Францем Вутцем, Onomastica sacra, Texte und Untersuchungen 41, 1 (1914) с. 216–231.

[78] См. Goebel, Ethnica, de Graecorum civitatum proprietatibus proverbio notatis, Diss. Breslau 1915, с. 80 и далее.

[79] Школьный учитель Энус, феллятор, который воспроизводит все сексуальные термины в своем школьном жаргоне, считает membrum muliebre прямоугольником. Это имеет то преимущество, что, когда одна сторона сжимается, получается буква Δέλτα, обычное название для γυναικεῖ ον αἱ δοῖ ον, см. выше, с. 20 и далее. Вид сзади человека он объясняет как Ψ (образованное тремя линиями: граница между ногами и нижняя граница обеих ягодиц). Ubi si

Eunus ligurrit, anus patet sicut Λ. Φ litera Ausonius aut πορδῆν imitari mihi videtur, quae paedogogo ligurrienti sentienda est, aut figuram, quae natibus pueri et lingua istius paedagogi efficitur. В последнем стихе ему желают наказания Θ(άνατος) (см. выше, с. 22). Стихи 10–12 я не понимаю.

[80] Preisendanz RM 68 (1913) с. 640.

[81] Геродот V 92.

[82] Марциан. Геракл. epit. peripl. Menippeï 2.

[83] Phot. bibl. p. 151, 21; Lehrs, Quaestiones epicae, Königsberg 1837 p. 19 ff.

[84] Euling, Die Priamel bis Hans Rosenplüt, Germanist. Abhandlungen hrsg. v. Voigt Bd. 25, Breslau 1905.

[85] Вюнше, Числовые изречения в Талмуде и Мидраше, ZDMG 65 (1911) и 66 (1912).

БИОГРАФИЯ

Я, Франц Дорнсейф, родился в Гисене 20 марта 1888 года, являюсь сыном директора земельного суда Карла Дорнсейфа и его покойной жены Кете, урожденной Балтцер. Сначала я учился в гимназии в Гисене, а с 1904 года – в Новой гимназии в Дармштадте, которую я покинул на Пасху 1906 года, чтобы посвятить себя изучению классической филологии и германистики. Я проучился 3 семестра в Гейдельберге, 1 – в Мюнхене, 5 – в Берлине.

В этих университетах я посещал лекции и семинары следующих профессоров: Болл, Брандт, Дитерих †, фон Домашевски, фон Духн, Эльсенханс, Печ, Ф. А. Шмид, Шелл, Улиг †, Виндельбанд † (Гейдельберг); Крузиус, фон дер Лейен, Фоллмер (Мюнхен); Кассирер, Дессау, Дильс, фон Харнак, Хельм, Майстер, Эдуард Мейер, Норден, Риль, Рёте, Зиглин, Симмель, Вален †, Венцель, фон Виламовиц-Меллендорф, Вёльфлин (Берлин).

Я выражаю им всем свою искреннюю благодарность. Особую благодарность я испытываю к господину Ге. Хофрату проф. д-ру Боллу, который вдохновил меня на эту работу и постоянно сопровождал ее своим поддерживающим участием. Таким образом, он привел меня к настоящему научному исследованию и углубил мою склонность к этой теме.